

О некоторых аспектах политической теологии в ранних статьях протоиерея Думитру Станилое

Иерей Игорь Иванов

Санкт-Петербургская духовная академия,
Российская Федерация, 191167, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 17

Для цитирования: *Иванов И. А.* О некоторых аспектах политической теологии в ранних статьях протоиерея Думитру Станилое // Вопросы теологии. 2020. Т. 2, № 2. С. 234–249. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2020.203>

Статья посвящена малоизученным вопросам в интеллектуальном наследии профессора и протоиерея Думитру Станилое, выдающегося румынского богослова XX в., точнее, публицистическим статьям, отразившим его философские, культурологические, социальные, политические и религиозные взгляды, которые в целом могут быть выстроены в модель своеобразной политической идеологии. Рассматривается его отношение к вопросам сочетания православного мировоззрения, патриотизма и государственности в контексте выработки идейного и идеологического поля понятия «румынизм», формировавшегося в ситуации территориальных и общественных изменений в Румынии в межвоенный период. Для религиозного «румынского традиционализма» ключевой становится триада «православие — соборность — традиционность», в равной мере отмежевывающаяся от материалистически-атеистических идеологий как демократического Запада с его индивидуализмом и капитализмом, так и от большевистского Востока с его авторитаризмом и коллективизмом. Взгляды румынского богослова представлены на материале некоторых его публикаций в журнале *Gândirea* и газете *Telegraful român*. Понимание специфики идейного поля православной румынской национальной и государственной самоидентификации в условиях формирования новой карты Европы в 1930-е годы может быть учтено при анализе элементов концептуальной парадигмы православной политической теологии.

Ключевые слова: межвоенный период, православие, церковь, нация, традиция, государство, румынское богословие, политическая теология, протоиерей Думитру Станилое.

Думитру Станилое родился 16 ноября 1903 г.¹ в трансильванской деревне Владени. Он был последним из пяти детей Иримие и Ребекки Станилое. С 1910 по 1916 г. Думитру учился в церковно-приходской школе, а в 1917 г. приехал в г. Брашов (австрийский г. Кронштадт) для обучения

¹ Согласно данным Ю. Хенкеля — 17 ноября (*Henkel J. Dumitru Staniloae: Leben — Werk — Theologie. Freiburg; Basel; Wien: Hender, 2017. S. 33*).

- © Санкт-Петербургский государственный университет, 2020
- © Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2020

в православном гуманитарном лицее им. Андрея Шагуны². С 1922 по 1927 г. он изучал богословие на богословском факультете университета в Черновцах³, получая финансовую поддержку от митрополита Николая (Балана)⁴. В 1923–1924 гг. он также прослушал курсы лекций на филологическом факультете Бухарестского университета. Вернувшись в Черновцы, защитил дипломную работу на тему «Крещение детей». Затем, получив годичную стипендию, обучался в аспирантуре на православном богословском факультете Афинского университета (август 1927 — май 1928 г.), по окончании которой защитил (опять в Черновцах) диссертацию на тему «Жизнь и труды Досифея Иерусалимского и его отношения с румынскими княжествами». По ходатайству Митрополичьего центра в Сибиу, предложившего ему заняться вопросами византологии и догматики, в ноябре 1928 г. Станилое получил новую стипендиальную поддержку для обучения в Мюнхене, где посещал курсы византолога Августа Гейзенберга и историка Георга Штадтмюллера, а также активно изучал философию и диалектическое богословие⁵.

Время получения протоиереем Д. Станилое богословского образования в Черновцах было периодом, когда северные румынские земли в Трансильвании стали освобождаться от долгого господства венгерского кальвинистского и католического присутствия. Как отмечает Ч. Миллер, в контексте такой атмосферы ранние научные интересы Д. Станилое фокусировались главным образом на конфессиональной идентичности православия, поскольку в этом направлении двигался и он сам, и здесь его собственная культурная и региональная идентичность приобретала характерные черты⁶.

Нужно сделать особый акцент на ситуации того времени. Поскольку после 1918 г. в Румынии сложилась уникальная возможность построения единого государства из разрозненных до тех пор румынских (в той мере, в какой они таковыми тогда считались) территорий, т. е. принадлежавших до войны разным европейским империям, то именно в период 1918–1940 гг. румынская церковная, интеллектуальная и политическая элиты были воодушевлены идеей «Великой Румынии», в существенной своей части фундированной национальными и религиозными вопросами, обсуждавшимися вокруг таких понятий, как «нация», «государство», «церковь», в контексте идейного пространства концепта «румынизм».

Вот что пишет по этому поводу румынский исследователь Влад Георгеску:

² Точнее, имени митрополита Андрея (Шагуны) (1808–1873), который был митрополитом Трансильванским (Сибиуским). Память святителя совершается 30 ноября.

³ Ныне — Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича, Украина.

⁴ Он был правящим архиереем Трансильвании в 1920–1955 гг.

⁵ См. об этом: *Henkel J. Dumitru Staniloae...* S. 34–35.

⁶ *Miller Ch. The Gift of the World: An Introduction to the Theology of Dumitru Staniloae.* Edinburgh: T&T Clark, 2000. P. 10.

Страстные столкновения между идеями характеризовали этот период. Горячие дебаты среди интеллектуалов сосредоточились вокруг нескольких широко читаемых журналов — *Gândirea*, *Viața românească*, *Sburatorul*, *Revista fundafalor regale* — и затрагивали такие темы, как связь между традиционализмом и модернизмом, вопросы национального характера и роль православной веры в румынском обществе. Некоторые объявили себя традиционалистами и антизападниками. Нае Ионеску и Никифор Крайник, вероятно, являются наиболее заметными примерами этой широко распространенной тогда тенденции. Они оба отвергали западный модернизм, пытаясь определить специфически румынский менталитет и вернуть национальную культуру к ее традиционным христианским истокам, которые, по их мнению, были извращены западным материализмом⁷.

В связи с этим вполне понятно, почему богословские и публицистические материалы шли рука об руку в едином стремлении создать культурные условия для духовного и социального обновления румынской нации. Д. Станилое не был исключением, поскольку принадлежал к тому поколению, на которое возлагались многие чаяния и надежды румынского народа и его лидеров. Стремительная карьера Станилое была бы невозможна без активной поддержки священноначалия и научных кругов. Так, 1 сентября 1929 г.⁸ он стал преподавателем Богословской академии *Andreiana*⁹ в Сибиу, в 1932 г. получил звание приват-доцента, в 1935 г. — звание профессора, а спустя год был назначен на пост ее ректора (1936–1946). За эти годы Станилое прочитал следующие курсы: догматика (1929–1946) апологетика (1929–1932, 1934–1937), пастырское богословие (1932–1936) и греческий язык (1929–1934)¹⁰. Одновременно с академическим служением началось и его служение духовное: 8 октября 1931 г. Думитру Станилое был рукоположен в сан диакона, 25 сентября 1932 г. — в священника; в 1940 г. он удостоен сана протоиерея-ставрофора¹¹.

С января 1934 по май 1945 г. священник Д. Станилое был главным редактором¹² культурно-религиозной газеты *Telegraful român* («Румынский телеграф»), в которой публиковались сотни его заметок на разнообразные сюжеты культурной, церковной и общественно-политической жизни. Также к 1934 г. относится его знакомство в архиерейском доме с Никифором

⁷ *Georgescu V. The Romanians: A History. Columbus: Ohio State University Press, 1991. P. 205.*

⁸ Подчеркнем, что, погрузившись в богословские исследования, Д. Станилое для изучения в оригинале работ святителя Григория Паламы совершил поездки в Берлин и Париж (1929), а также в Константинополь (1930). Однако лишь спустя годы вышел в свет его труд «Жизнь и учение святого Григория Паламы» (Сибиу, 1938).

⁹ Названа в честь митрополита Андрея (Шагуны) (1808–1873).

¹⁰ См. подробнее: *Henkel J. Dumitru Staniloae... S. 36.*

¹¹ Биографическая справка ограничена рассматриваемым периодом.

¹² Писать статьи для этого издания Д. Станилое начал с 1931 г. по благословению своего правящего архиерея. Характерно, что в библиографии румынского богослова насчитывается 420 публицистических заметок (*Louth A. Modern Orthodox Thinkers: From the Philokalia to the Present. Downers Grove: InterVarsity Press. 2015. P. 128.*)

Крайником, дружба с которым длилась многие годы¹³, и ее не сломили ни арест, ни тюремное заключение, ни последующие санкции в отношении обоих мыслителей в период социалистических гонений на церковь в послевоенной Румынии. Поводом к аресту Станилое в 1958 г. стали как раз его «реакционная политика» и критикующие коммунизм статьи¹⁴.

Как отмечает Поль Ладусёр, в 1930-е годы Станилое был тесно связан с журналом *Gândirea* («Мысль»), ведущим культурно-политическим изданием в Румынии в 1920–1930-е годы, периодически вовлекаемым в те или иные политические споры, проходившие в тот бурный период румынской истории. С 1928 по 1944 г. журналом *Gândirea* руководил Никифор Крайник, поставивший его на путь традиционализма и национальной идеи¹⁵.

Британский исследователь Роберт Кларк так характеризует публицистическую деятельность Станилое в 1920–1930 –е годы:

Его ранние труды свидетельствуют о желании войти в качестве православного голоса в дебаты, проходящие в светской общественной сфере. В *Telegraful român*, газете Румынской православной церкви, которую он редактировал, Станилое комментировал такие разнообразные вопросы, как образование и международные отношения, но всегда с оговоркой, что светские проблемы были относительными и незначительными по сравнению с конечными вопросами, поставленными теологией. В ту пору обсуждение проблем светской политики не было чем-то новым для *Telegraful român*, где публиковались мнения и комментарии по таким вопросам, как создание культурных очагов, большевизм и конкордат румынского государства с Ватиканом за год до того, как Станилое стал редактором газеты. Не было новостью и желание Станилое дать богословские обоснования тенденциозным политическим платформам — еще в 1926 г. он использовал библейскую экзегезу для осуждения коммунистического отношения к частной собственности. Но активность его участия в политических вопросах действительно изменились, равно как и взаимодействие специфически церковных журналов, таких как *Telegraful român*, с основными светскими журналами, такими как *Gândirea*¹⁶.

Рассмотрим теперь некоторые аспекты политических предпочтений Д. Станилое, основанных на его религиозных, философских и этических убеждениях. Его национальное и церковное мышление исходит из того, что для румынского традиционализма необходимо на сознательном уровне отклонить крайности секулярного мышления, разлагающего народные начала жизни, т. е. адекватно ответить на вызовы материалистически-атеистических идеологий как демократического Запада с его индивидуализмом и капитализмом, так и большевистского Востока с его автори-

¹³ Ibid. P. 128–129.

¹⁴ См. об этом: *Henkel J. Dumitru Staniloae...* S. 49.

¹⁵ *Ladouceur P. Modern Orthodox Theology: Behold I Make All Things New.* London; New York; Oxford; New Delhi; Sydney: T&T Clark, 2019. P. 168.

¹⁶ *Clark R. Nationalist and Trinitarian Visions of the Church in the Theology of Dumitru Stăniloae // Studii Teologice.* 2013. No. 2. P. 210.

таризмом и коллективизмом. При этом Д. Станилоэ понимает, что и сам большевизм в марксистском преломлении — продукт западной мысли. Приведем несколько выдержек из его заметок: «Характерной чертой демократии и ее свиты являются индивидуализм, интернационализм и атеизм или теоретический и практический материализм»¹⁷; «Индивидуализм, развязывающий жадность и хищничество, привел к сегодняшней ситуации, когда несколько сотен или тысяч гуру и обманщиков наживают миллионы, пользуясь связями в советах директоров банков и промышленных предприятий, аккумулируют собственные средства за счет должностных обязанностей и из государственного бюджета»¹⁸; «Атеизм разрывает человека на метафизические фрагменты, направляя все его стремление к счастью сугубо на внешние, материальные удовольствия, потому что жизнь коротка»¹⁹; «Между демократией, доведенной до крайности, и коммунизмом существует большая близость во взглядах на жизнь»²⁰; «Православное христианство отличается от демократии и коммунизма, унифицирующих людей»²¹.

В заметке «К христианскому румынскому государству» Д. Станилоэ формулирует принципы общества, основанного на национальной, социальной, политической и религиозной солидарности:

Мы живем во времена покаяния. Наша социальная и политическая жизнь достигла тупика, который заставляет нас констатировать, что пройденный путь был неправильным, а продолжение движения в этом направлении означало бы национальное бедствие. Политике нашего государства до сих пор не хватало важнейшего элемента для укрепления страны, для укрепления душевных и физических сил народа: религиозной веры. Имея сугубо рациональные программы, фундированные в основном экономической или педагогической озабоченностью, будь то в направлении социализации или самого честного либерализма, никакие реформы не могут пробудить в душах великие и благородные силы совместного труда, честности, патриотического и национального энтузиазма.

Тезис о том, что политика является областью, полностью изолированной от религиозной веры, претерпел очевидное фиаско. Мы видим неоспоримые примеры некоторых государств, которые поставили движение к новейшему времени в основу своей религиозной веры, при этом творческие силы нации и ее моральное здоровье не находят более благоприятной среды, чем вера. Политика, укорененная в вере, — лучшая политика. Нельзя рекомендовать более здоровый девиз политическому деятелю, который хочет оставить благословенные следы в истории своего народа, который хочет

¹⁷ *Stăniloae D., pr. Un atlet al naționalismului creștin // Telegraful roman. 1934. No. 14. P. 1.*

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ *Stăniloae D., pr. Naționalismul în cadrul spiritualității creștine // Telegraful roman. 1936. No. 36. P. 1.*

²¹ *Stăniloae D., pr. Necesitatea ierarhiei în viața socială // Telegraful roman. 1936. No. 39. P. 1–2.*

творить историю, основываясь не на мелко политических и эгоистичных интересах²². <...>

Не говоря уже об огромных махинациях, которые систематически опустошают богатство страны, катастрофична неспособность наших политиков восстановить уважение к моральным принципам, остановить ветер разъединения и подлого эгоизма в нашей общественной жизни. У руля румынского государства должна ощущаться помощь Христа. Этот идеал должен мобилизовать все усилия нашего священства. В некоторых странах правительства отводят для решения этой проблемы ближайшие годы. Нашему церковному руководству было бы хорошо установить для служителей алтаря как непосредственную цель задачу укрепления политики и укрепления государства. <...>

Вера — ключ к хранилищу истинного румынского государства. <...>

Христианское румынское государство — вот идеальный образ, который должен доминировать над нашими мечтами и увенчать наши усилия по скорейшему воплощению его в реальность. Вот правильное устройство румынской души на этой земле!²³

Кроме того, Д. Станилоэ делает серьезный акцент на идеях социальной ответственности, служения и жертвенности христиански ориентированной властной иерархии, онтологически укорененной в божественной иерархии, а посему связанной с концептами «отцовства» и «царства»:

Для православного христианства характерно то, что правящие не стремятся к удовольствию быть хозяевами, а управляемые не являются рабами, живущими для еще большего увеличения числа правителей; лидеры находятся на службе у тех, кого они ведут за собой; их руководство должно быть пронизано духом жертвенности; они посвящают свой талант и свои силы большому счастью менее одаренных людей. Лучшие люди даже не имеют права безразлично относиться к рядовым толпам, живя в своей башне из слоновой кости; Бог наделил их большой властью не ради них самих, а ради всего общества. Если индивидуалистический протестантизм продвигал на политической и социальной почве эгоизм и либерализм, сказавшиеся негативно в отношении слабых, то православие содержит в себе социальную миссию солидарности сильных со слабыми, социальную иерархию, ответственную за благо прежде всего слабых, которых кто-то должен поддерживать в борьбе с неимоверным количеством невзгод, угрожающих со стороны природы и людей.

Общественная иерархия, как некое проявление онтологической иерархии и той иерархии, которая живет духом любви и жертвенности, — это та иерархия, у которой есть миссия в пользу общественного блага. Такая православная концепция соответствует самой подлинной реальности. <...>

Я убежден, что между тремя онтологиями — Богом, семьей и государством — есть сходство. Все они покоятся на одной и той же основе, на одной

²² Stăniloae D., *pr. Spre statul român creștin* // *Telegraful roman*. 1936. No. 18. P. 1.

²³ *Ibid.* P. 2.

и той же норме существования. И ее критерий задает Бог. В христианстве понимание жизни в Боге знакомо нам по семейной жизни. Это прежде всего отношения Отца и Сына, даже если мы плохо понимаем ситуацию их отношений со Святым Духом. Отношения «отца и сына» — это вечный образ жизни и закон для разных социальных уровней. По его образцу создана земная семья, и на образ семьи должно ориентироваться государство. Конечно, грех, в котором живет человечество, ставит большие препятствия на пути формирования семейной и государственной жизни наподобие божественной. Уподобление внутренней жизни Божества сильно исказилось в устройении земной семьи и еще сильнее изменилось в жизни великой семьи государства. В последнем, особенно в социальной жизни, власть, вместо того чтобы быть идеально уравновешенной любовью, сильно склоняется к деспотизму. Или же в эгоистичных личностях проявляются тенденции разрушения сообщества. В обоих случаях мы имеем дело с уменьшением любви и увеличением эгоизма²⁴.

Христианский национальный солидаризм, увенчанный монархией, не является попыткой пренебречь социальными потребностями нашего времени, но он является социальной доктриной, самой справедливой социальной доктриной. Мало того, что он предлагает лучшие решения для всех социальных проблем, но еще более характерно то, что он прививает энтузиазм, пафос, которыми ни одна из иных политических доктрин не может вдохновить²⁵.

В заметке «Национализм в рамках христианской духовности» Д. Станилое говорит прямо и решительно о связи национальной идеи с духовностью и политикой, которая должна противостоять левым течениям:

Сегодня в политике перед угрозой увлечения левыми идеями, полностью враждебными духовным стремлениям человеческой души, национализм возникает во всех странах, которые порождают в нем именно эту веру в духовную судьбу нации, истолкованную в свете вечности.

Сегодня национализм говорит о Боге, как о домостроителе народа, к которому вы принадлежите, и о помощи в развитии того типа духовности, которым Он наделил его.

Сегодня национализм осознает, что народ служит Богу, когда через напряженный труд он развивает свои собственные способности.

Церковь может только приветствовать это восстановление духовности и духовных идеалов в политике, а священник должен помогать всеми силами христианскому националистическому движению, борясь с материалистическими, атеистическими и интернационалистическими идеями левого мировоззрения²⁶.

Размышляя далее над природой национального и общечеловеческого, Д. Станилое приходит к выводу, что вне нации нет человека как аб-

²⁴ Stăniloae D., *pr.* Necesitatea ierarhiei în viața socială. P. 1–2.

²⁵ Stăniloae D., *pr.* Un atlet al naționalismului creștin. P. 1.

²⁶ Stăniloae D., *pr.* Naționalismul în cadrul spiritualității creștine. P. 1.

солютного чистого феномена. Национальное чувство формируется в двух векторах любви: любви к своему народу и любви к другим народам (как проявление Христовой заповеди об отношении «к ближнему как к самому себе»):

Качества национальные не есть нечто, просто добавленное к человеческой природе. Они принадлежат собственно человеку в конкретной форме его существования. И как любой элемент имеет свойства, характерные для него, так и человек имеет свойства, характерные для его внутреннего устройства. Невозможно представить себе, что есть человек, не определенный никакой формой. Хотя даже бесформенность есть форма. Человек без такой формы есть абстракция, с которой может работать лишь математика. Чувство национализма не находится в углу души, не занимает некие комнаты в духовно-телесном человеке. Оно не отделено от ума как чего-то чисто человеческого, от любви как чего-то чисто человеческого, от радости и грусти как чисто человеческих чувств, оно есть собственное отличающееся качество и в то же время оно есть и любовь, и ум, и радость, и грусть, и конкретный вкус, встречающиеся у одной группы людей и не встречающиеся у другой. Например, то сусло, коим напоена румынская любовь, не делает ее менее человеческой. И румынская мысль тоже не меньше, чем иная мысль. Между национальным и человеческим нет ничего антагонистического. Наоборот, чем глубже ты проникаешь в свое человеческое устройство, тем глубже вскрывается и твое национальное чувство. Глубина человеческого в глубине твоего национального духа. Хотя есть мнение, что подражатели чувствам и привычкам иных народов в меньшей степени выражают свою народность, так как живут поверхностно. Румын любит людей другого племени не потому, что забирается в глубины своего сверх-я, а потому, что остается румыном. Когда румын чувствует, например, любовь к венгру, в своем чувстве симпатии он воспринимает его как румына. И, кажется, еще больше любви проявляется к тому, к кому он относится как к румыну. Любовь ко всем — не безнациональна. Безнационального чувства любви не существует²⁷.

В этом контексте рассматривает о. Думитру и два вида экуменизма: первый из них ближе к католическому униформизму, а второй — к православной соборности (как личностей, так и наций):

Но тогда как быть с экуменизмом христианства? Существуют два вида экуменизма. Один — это экуменизм, одинаковый с униформизмом. В этом смысле экуменистичный тезаурус веры и благодать церкви направлены на себя, экуменистичное с этой точки зрения христианство представлено как система идей и божественный синтез, устойчивый сам по себе, но различный по идеям, которые производит каждый человек или каждая нация. И существует экуменизм, который понимается как симфония, как поле цветов, орошаемое одним и тем же дождем, согретое одним и тем же солнцем, возвращенное одним и тем же садовником. Это есть экуменизм христианский,

²⁷ Stăniloae D., *pr. Ortodoxie și națiune* // Gândirea. 1935. No. 2. P. 78.

понимаемый как жизнь, как взаимоотношения между человеком и Богом. Субъект этих отношений — человек, со всей его жизнью, со всей его индивидуальностью. Экуменизм этого второго типа включает в себя не униформизм с точки зрения идей, готовых работать на людей, а всю духовность народа, в котором действуют вера и благодать. Все духовное содержание такого народа соответствует им: во всех звучит одна общая песнь, всех единит братское чувство. Есть такая экуменистическая связь между жизнью духовной румына и русского, между фольклором греческим и сербским²⁸.

В таком случае даже государство воспринимается как следствие народной жизни во Христе, хотя оно и призвано более к справедливости, нежели к милосердию. В статье «Два царства» Д. Станилоэ не только проводит четкие границы между церковными и гражданскими средствами воспитания народа, но и дает положительную экспликацию государственному служению благу народа:

Царствие Небесное не может оставить только справедливый закон для своих сограждан. Ведь его употребление было бы весьма жестким, если бы рядом не было любви. Любовь прощает, а закон наказывает²⁹.

Церковь может уважать государство как подвизающееся против зла, и наоборот. По сути, карающий меч и другие средства закона не будут для церкви неправильными, до тех пор пока они не начнут применяться для непотребства. В конце концов, не судится церковью жесткость, потому что церковь не мнит, что государство работает по любви и милости, а считает, что оно отвечает перед Богом за соблюдение порядка. Ужесточение большее или меньшее государство сделает и без какого бы то ни было исследования среди населения. А церковь трудится над тем, чтобы сделать граждан более порядочными, чтобы смягчать санкции государства³⁰.

Церкви не нужен какой-то примат над государством, потому что такой примат не может быть обеспечен иными средствами, нежели государственными. И она не будет критиковать жесткость закона. Она может просить только о том, что выводится из правильного устройства государства, которое должно быть 1) справедливым и 2) сознавать, что оно на службе у Бога, а не само по себе. То есть быть сильным, блюсти закон и справедливость. С учетом этого церковь не только не порицает его, но и дает ему свое благословение³¹.

Анализируя политические взгляды Станилоэ, Роберт Кларк подчеркивает, что Станилоэ рассматривает государственную власть как благое, хоть и ограниченное средство для принесения спасения человечеству, понимая национальность как общность, через которую человек приходит к Богу, поскольку в каждом национальном типе действует вечная божественная модель, промыслительно предустроенная для наиболее полной самореа-

²⁸ *Stăniloae D., pr. Ortodoxie și națiune. P. 84.*

²⁹ *Stăniloae D., pr. Cele două împărății // Gândirea. 1937. No. 1. P. 30.*

³⁰ *Ibid. P. 30–31.*

³¹ *Ibid. P. 33.*

лизации конкретного народа. Р. Кларк отмечает, что для Станилое нация является «онтологической категорией», и если спасение приходит не *через* нацию, то совершается оно именно в нации³². Приведем здесь слегка расширенную цитату из Станилое, на которую ссылается Р. Кларк в качестве иллюстрации к своим тезисам:

Все общественные уложения и действия могут совершаться с добрым устройением, и мы можем их творить по любви ко Господу. Но все может совершаться и со злой волей, против Господа. Мы должны брать за основу изречение: «Итак, едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию» (Кор 1: 10–31). Мы не спасаемся, плулая в воздухе бездействия, в вере теоретической и экуменической. Но мы спасаемся, размышляя над тем, что от нас требуют обстоятельства времени и места, в которые нас поставил именно Господь. Мы не спасаемся, гнушаясь браком (ведь это одно из семи таинств), или же гнушаясь пищей (ведь Господь нас насыщает хлебом и вином). Мы не спасаемся, забывая про народ, в котором родились (ведь Иисус не отстранился сразу от евреев)³³.

С этой идеей соотносится у о. Думитру и различение двух национализмов согласно их основе — биологической или духовной:

Мы спасаемся, работая с плугом, растя детей, развивая свой ум, служа государству. Но все это с верою. Делая это автоматически, без веры (биологически), мы пропадаем. Существует национализм и национализм. Существует такой национализм, который есть еще большее впадение в грех. Однако существует и национализм, который нас спасает, не сам по себе конкретно, а через тот дух христианства, которым мы живем. Национализм, взятый сам по себе, не есть ни спасение, ни гибель. Но на практике обычно он — либо спасение, либо гибель, смотря по тому, насколько он пронизан христианской верой³⁴.

В заметке «Православие и социальная жизнь» (1940) проявляется одна из базовых идей Д. Станилое: подлинное единство между людьми может осуществиться только через приобщение Святому Духу в благодати любви. Вне этого идеала все остальные формы единства будут неполноценны и во многом искусственны или иллюзорны:

Пребывая в благодати Святого Духа, мы можем верить, что Иисус есть Бог, и любить Его. Святой Дух любит в нас Сына Божьего, а мы любим Его, и Сын любит нас, любя в нас Святого Духа. И Сын такой же, как мы, он наш, как и любой человек. Таким образом, становится явленной подлинная ценность человека и значение всего человечества. В каждом человеке, когда мы с верой смотрим на него как на собрата во Христе, мы видим Иисуса. И верующие, через причастие любви, с любовью относятся к невидимому Отцу, а сила, с которой я люблю Отца, дается от Святого Духа и от Сына. Вот так

³² Clark R. Nationalist and Trinitarian Visions... P. 212.

³³ Stăniloae D., *pr. Naționalismul sub aspect moral // Gandirea*. 1937. No. 9. P. 424.

³⁴ Ibid. P. 425.

в отношениях любви между людьми осуществляется сама любовь, существующая между лицами Святой Троицы. И иерархия соборности также являет лик Святой Троицы в своих отношениях. Она также служит образцом взаимоотношений между другими членами церкви, и везде такое руководство церкви становится примером для государства и для народа, идеалом и уроком. И государство, и общество как бы говорят себе перед лицом такого духовного руководства и церковного единства: вот какими мы должны быть и какими мы не являемся. Таким образом, церковь, с ее организацией и образом жизни в любви, оказывает неоспоримо преображающее воздействие на государственную организацию и человеческое общество³⁵.

В заметке «Церковь и народное единство» (1941) Д. Станилое, размышляя о способах преодоления разлагающего секулярного городского влияния на крестьянский православный уклад, движется в канве концепции духовно-экзистенциальной соборности следующим образом:

Все послевоенное время велась спешная и старательная работа по разделению нашего народа. Сколько времени в Трансильвании народ не имел другого института управления, кроме церкви, единство было настоящим благом наряду с другими национальными достоинствами, которые придавали народу сил. Последние 22 года газеты разносили заразные микробы из обширных очагов инфекции, созданных политическими партиями и в целом суетой городской жизни, оторванной от традиций и от тихого и серьезного народного духа.

Все это время единственным фактором, который боролся с разрушительными силами, была церковь. Необходимо признать, что в некоторых местах ее деятельность была слабее, чем в довоенное время, из-за того, что и священство оказалось втянутым в лагерь агентов, производящих это разделение.

Церковь своим естеством, созидаящим единство, находится среди народа. Первым ее атрибутом в Символе веры является единство, которое обязывает церковь заботиться о сохранении единства христиан, находящихся в ее лоне. Но это единство заключается не только в вопросе исповедания единой веры, но и в солидарной поддержке и любви в единодушии. Нелюбящие и ненавидящие люди ищут и находят легкие, противоречивые предлоги, чтобы более не понимать, а значит, и не исповедовать веру.

Современные русские богословы ввели в оборот прекрасный смысл слова «соборность», означающий братскую общность, которая находится между двух крайностей: анархическим индивидуализмом и уничтожающим личностью коллективизмом. Она означает семейное единство, единство по любви. Фактор, поддерживающий это единство в любви, невозможно реализовать человеческими средствами (как нам хорошо показывают все политические попытки), это благодать Святого Духа. Там, где нет Святого Духа, источника всей вселенской любви, возникает либо эгоизм, либо раскол; или же массовый коллективизм, либо командный, принудительный, заглушающий созидательную свободу тоталитаризм. <...>

³⁵ Stăniloae D., *pr.* Ortodoxia și viața social // Telegraful roman. 1940. No. 10. P. 1.

Проявления единства прихода в чистой любви, в присутствии Бога нужно поддерживать там, где они еще не утрачены в холодном дыхании новых времен, потому что весьма трудно снова возродить их, если они исчезнут. Только эпоха необычайно интенсивной религиозной жизни сможет их вернуть. Видно, что интенсивная первоначальная христианская жизнь лежит в основе нашей церковной жизни, проявления которой одно за другим угасают, как угли в тлеющем очаге. <...>

Священник должен быть одинаково приближенным ко всем людям, изыскивая в них теплотой любви и близким общением доброе семя, чтобы дать ему свет и силу. Но он должен быть и одинаково отдаленным от всех в том, что есть в людях подлого, низкого, развращенного.

История учит нас, что румынский народ очень склонен к разделениям, ведущим к братоубийственным войнам. Только церковь защитила его существование, заступая и содействуя его единству.

Церковь должна остаться и сегодня спасительницей и народа, и самого его существования. Нужно, чтобы все остальные отстранились, чтобы дали трудиться над этим именно ей.

Но этот императив она ныне не может сформулировать решительным голосом, разве только при условии, что все ее священники восстанут против всех факторов, служащих к людскому разделению, возвращая тем самым себе миссию духоносных отцов (для людей) и пастырей (для целого народа)³⁶.

Интересна и показательна другая заметка Д. Станилоэ «Между любовью и ненавистью» (1943). Трудно сказать, насколько она связана с предчувствием того, что, возможно, Румынии не удастся избежать открытого воздействия коммунистического режима после победы во Второй мировой войне, однако сама по себе установка богослова на нейтрализацию большевистской идеи вражды заслуживает особого внимания. В самом деле, христианский социализм как проекция христианского служения в поле политической теологии — вещь вполне адекватная, и построение социального государства отнюдь не предполагает уничтожения веры и церкви. Рассмотрим видение этой ситуации Д. Станилоэ:

Как и многие люди, задаю себе часто вопрос: что было бы, имей коммунистический режим в России веру в Бога, почему же он не может ее вынести, почему воюет против нее с такой неумолимостью, даже тогда, когда от нее могло бы зависеть и самое его существование? И сколько бы аргументов мне ни приводили, ни один из них не может дать мне полный и исчерпывающий ответ на этот вопрос. Разве что приходится верить, что вся ненависть этого режима к Богу есть обобщение того иррационального зла, которое изобразил Достоевский в своих персонажах.

Может быть, самым большим несчастьем для человечества было то, что коммунистическая идея была впервые реализована русским народом,

³⁶ *Stăniloae D., pr. Biserica și unitatea poporului // Telegraful roman. 1941. No. 19. P. 1.*

склонным по своей природе к подобному иррациональному фанатичному злу.

Для людей с нормальным суждением коммунистическая вражда против религии не имеет никакого смысла.

На самом деле, посмотрим, какие основания предлагает коммунизм для своего антихристианского фанатизма.

Наиболее важным является то, что религия наркотизирует восстание бедных против социального неравенства; «Религия — опиум для народа!» — декларировали корифеи марксизма.

Что скрывается в этом аргументе? Социальная правда не может быть реализована и поддержана лишь враждой против зажиточных людей. Религия же гасит в человеке вражду, наставляет в терпении и любви. Религия, следовательно, должна быть удалена, как то, что сдерживает вражду в человеческих душах и содействует любви.

Но это тот случай, когда необходимо задать себе вопрос: нужна ли вражда для реализации наиболее равного социального порядка, для обуздания эгоистического злоупотребления частной собственностью? Знаем, что в основании коммунистического режима стоит социальная вражда. Но должно ли это быть так? Нужно ли дальнейшее взращивание вражды между людьми, ненависти, калечащей души, заставляющей бояться друг друга, лишаться уверенности в товариществе, утратить все проявления свободы?

Допустим, что для осуществления более справедливого социального порядка нужно и сильное давление на несправедливых людей, даже восстание, выросшее на вражде. Если любовь не настолько сильна, чтобы создать более справедливый социальный порядок, тоска по нему придает сил вражде. Но если однажды реализован подобного рода справедливый порядок, к чему тогда еще нужна вражда и, следовательно, противление религии?

На это отвечают: вражда должна быть на страже, так как разного рода захватнические и эгоистические инстинкты дают начало новой войне за правду и социальное равенство. Индивиды начинают присваивать как можно больше благ, предназначенных для удовлетворения общих потребностей. Вражда должна стоять в засаде против любой тенденции к обогащению, для того чтобы уничтожить ее еще на первой стадии, на самом примитивном уровне.

И все же этот аргумент не окончательный.

Люди, чьи души должны стать колыбелью вражды, — люди несчастные. И бесполезны и несчастны они тогда, когда цель, преследуемая ненавистью, может быть достигнута и без них.

Хорошо, но как? — может кто-нибудь спросить.

Государственной силой. Допустим, что национальный коллектив научился использовать адекватные средства для достижения порядка, основанного на правде и социальном равенстве. Отсюда впредь более не видим необходимости вражды как определяющего фактора социальных отношений. Частные лица могут вменять государству заботу о сохранении порядка социальной справедливости. Поэтому существует государство, чтобы распределять заботу о сохранении кристально чистого социального порядка среди граждан как частных лиц. Но государство может осуществлять это служение, используя всю репрессивную силу без того, чтобы активизи-

ровать вражду, в том числе его структуры должны совлечь с себя всякое предвзятое чувство.

Конечно, государство, которое станет выражением полностью справедливого социального порядка, обустроенного под сильным давлением бедствующих граждан, будет иметь зафиксированные в текстах законов положения, предназначенные для защиты этого порядка; и любой проступок, ставящий под угрозу сложившийся общественный строй, будет расценен как правонарушение.

Например, в таком государстве кража расценивается как уголовное преступление. И таковой может считаться в государстве, выступающем против злоупотребления частной собственностью, обогащение свыше определенного потолка. Или, если это государство будет близким к коллективистскому типу, таковой может стать даже любое дело, расцененное как источник частной собственности.

Любой социум имеет собственное государство как его выражение, как исполнителя законов, в которых выкристаллизовалась воля общества.

И тогда почему враждующий против соседа человек, поддержавший своим голосом государство, одобряется решением достаточного большинства, которое будет заботиться об исполнении воли этого большинства?

Почему существует эта несчастная путаница между государством и частным гражданином в коммунистическом режиме, где каждый лично смешивает свою роль с ролью государственной?

Разве у государства нет своего собственного попечения о том, чтобы освободить граждан от бремени заботы о социальном порядке, осуществление которого в конкретных проявлениях может смешиваться с ненавистью и враждой?

Если бы у государства не было таковой собственной цели в отношении облегчения жизни граждан, оно не имело бы ни единого основания к существованию. Государство было оставлено Богом для облегчения граждан от взаимной вражды.

И если нет необходимости в межчеловеческой вражде и по большей части желательна любовь, то не остается ни одного мотива для вражды против Бога³⁷.

В заключение статьи попытаемся сделать несколько предварительных выводов, характеризующих основные элементы модели политической теологии о. Д. Станилоа, как они отразились в вышеизложенных материалах:

- *онтологический принцип*: лично-общественный характер отношений пронизывает горизонтальные и вертикальные уровни солидарности, соборности и личной ответственности (Бог / Церковь / Царство Небесное / государство земное / семья / народ / община / общество / нация);
- *традиционный принцип*: лично-общественный характер отношений строится в динамике преемственности / созидательности / обновления ради общего блага нации; воспитание народа происхо-

³⁷ Stăniloae D., *pr.* Între iubire și ură // Telegraful roman. 1943. No. 36. P. 1.

дит преимущественно на живых примерах праведной жизни, особенно среди лидеров нации;

- «*румунский принцип*»: румынское христианское государство строится только на основе религиозной идеи (традиционное православное мировоззрение); никакие секулярные основания (экономические, политические, национальные) не могут быть его полноценной основой; «политика, укорененная в вере, — лучшая политика»;
- *иерархический принцип*: лично-общественный характер отношений выражается в идеале любви / служения / жертвенности сильных ради поддержки слабых; в этом же выражается единство церкви / нации / государства; национализм, основанный на духовности, не имеет иных целей, кроме достижения Царства Небесного через подвиг земной жизни в тех условиях, в которые Бог поставил человека и его соплеменников;
- *симфонический принцип*: лично-общественный характер отношений с другими народами строится на основании уважения, понимания и товарищества; симфоническая соборность христианских наций — основа адекватного экуменизма.

Статья поступила в редакцию 14 февраля 2020 г.

Статья рекомендована к печати 23 апреля 2020 г.

Информация об авторе:

Иванов Игорь Анатольевич, иерей — канд. филос. наук, доц.; igivan74@mail.ru

On some aspects of political theology in the early articles of archpriest Dumitru Staniloae

Priest Igor' Ivanov

St. Petersburg Theological Academy,
17, nab. Obvodnogo kanala, St. Petersburg, 191167, Russian Federation

For citation: Ivanov I. A. On some aspects of political theology in the early articles of archpriest Dumitru Staniloae. *Issues of Theology*, 2020, vol. 2, no. 2, pp. 234–249. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2020.203> (In Russian)

The article is devoted to understudied issues in the intellectual heritage of professor archpriest Dumitru Staniloae, an outstanding Romanian theologian of the twentieth century. More precisely, the article examines the journalistic articles that reflected his philosophical, cultural, social, political, and religious views, which as a whole can be organized into a model of “political ideology”. At the same time, the author considers the attitude to the issues of combining the Orthodox worldview, patriotism, and statehood in the context of developing the conceptual and ideological field of the idea of “Romanism”, which was established in the situation of territorial and social changes in Romania during the interwar period. In this regard, the religious “Romanian traditionalism” becomes the key triad of “Orthodoxy — collegiality — tradition”, which is equally dissociated from the materialistic-atheistic ideologies of both the democratic West with its individualism and capitalism, and

the Bolshevik East with its authoritarianism and collectivism. The views of the Romanian theologian are presented on the material of some of his publications in the journal *Gândirea* and the newspaper *Telegraful român*. Understanding the specifics of the ideological field of the Orthodox Romanian national and state self-identification, in the context of the formation of a new map of Europe in the 30s, can be taken into account when analyzing elements of the conceptual paradigm of Orthodox “political theology”.

Keywords: interwar period, orthodoxy, church, nation, tradition, state, Romanian theology, political theology, archpriest Dumitru Stăniloae.

References

- Clark R. (2013) “Nationalist and Trinitarian Visions of the Church in the Theology of Dumitru Stăniloae”, in *Studii Teologice*, no. 2, pp. 207–226.
- Georgescu V. (1991) *The Romanians: A History*. Columbus, Ohio State University Press Publ.
- Henkel J. (2017) *Dumitru Stăniloae: Leben — Werk — Theologie*. Freiburg, Basel, Wien, Hender Publ.
- Ladouceur P. (2019) *Modern Orthodox Theology: Behold I Make All Things New*. London; New York; Oxford; New Delhi; Sydney, T&T Clark Publ.
- Louth A. (2015) *Modern Orthodox Thinkers: From the Philokalia to the Present*. Downers Grove, InterVarsity Press Publ.
- Miller Ch. (2000) *The Gift of the World: An Introduction to the Theology of Dumitru Stăniloae*. Edinburgh, T&T Clark Publ.
- Stăniloae D., pr. (1934) “Un atlet al naționalismului creștin”, in *Telegraful român*, no. 14, p. 1.
- Stăniloae D., pr. (1935) “Ortodoxie și națiune”, in *Gândirea*, no. 2, pp. 76–83.
- Stăniloae D., pr. (1936) “Naționalismul în cadrul spiritualității creștine”, in *Telegraful român*, no. 36, p. 1.
- Stăniloae D., pr. (1936) “Necesitatea ierarhiei în viața social”, in *Telegraful român*, no. 39, pp. 1–2.
- Stăniloae D., pr. (1936) “Spre statul român creștin”, in *Telegraful român*, no. 18, pp. 1–2.
- Stăniloae D., pr. (1937) “Cele două împărății”, in *Gândirea*, no. 1, pp. 26–35.
- Stăniloae D., pr. (1937) “Naționalismul sub aspect moral”, in *Gândirea*, no. 9, pp. 417–425.
- Stăniloae D., pr. (1940) “Ortodoxia și viața social”, in *Telegraful român*, no. 10, p. 1.
- Stăniloae D., pr. (1941) “Biserica și unitatea poporului”, in *Telegraful român*, no. 19, p. 1.
- Stăniloae D., pr. (1943) “Între iubire și ură”, in *Telegraful român*, no. 36, p. 1. Available at: <https://drevo-info.ru/articles/2463.html> (accessed: 14.02.2020).

Received: February 14, 2020

Accepted: April 23, 2020

Author's information:

Priest Igor A. Ivanov — PhD in Philosophy, Associate Professor; igivan74@mail.ru